

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Киселева Станислава Борисовича
«Традиционная экономика кочевого населения полуострова Канин
в первой трети XX века и в начале XXI века»,
представленную в диссертационный совет Д 002.123.01
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07. — этнография, этнология и антропология

Российский Север ввиду неравномерности изученности был и остается актуальным регионом для гуманитарных исследований. Их значимость в последние два десятилетия повышается в результате набирающих силу политико-стратегического и экономического интересов к Арктике. Северные кочевые сообщества в этом отношении привлекательны и постижением опыта природопользования активно эксплуатируемых или перспективных для ресурсоосвоения территорий их правообладателей, и возможностью использования потенциала кочевых культур с их адаптационными механизмами, практиками и технологиями номунизма. Как справедливо отмечает С. Б. Киселев, полуостров Канин остается одним из наименее обследованных регионов Европейского Севера России, что обусловлено «его отдаленностью от крупных административных центров и крайней труднодоступностью», а «европейские и, особенно канинские ненцы», равно как и канинские коми-ижемцы, на фоне активного изучения сибирских ненцев — малоизученной в этнографическом плане группой. Поскольку систематизированного изучения традиционного хозяйства коренного населения полуострова Канин прежде не проводилось, избранная соискателем тема диссертационного сочинения и его проблематика априори представляют научный интерес, заполняя пробел этнологических знаний, его новизна определяется представлением обширных этнографических и конкретно-фактологических материалов и встраиванием их в общую картину развития традиционного хозяйства кочевников Евразии.

В диссертации четко формулируются цель и задачи исследования, в соответствии с ними определяются объект и предмет, выносимые на защиту положения; не вызывает возражений обоснование территориальных (Канин п-ов с прилегающими континентальными районами) и административных границ (северо-западная часть Ненецкого автономного округа) в отличии выбора хронологических рамок. Во введении временной диапазон исследования определяется С. Б. Киселевым XX — началом XXI в. Между тем в работе рассматриваются только два периода, которые, по его мнению, «наиболее четко» демонстрируют произошедшие изменения в экономике канинских ненцев и коми-ижемцев: 1) «первая треть XX в. до начала процесса колхозного строительства в регионе»; 2) «начало XXI в.: период адаптации оленеводческих предприятий к современным условиям рыночной экономики». Именно эти два временных отрезка указаны в названии работы. Намере-

ренное исключение почти всего советского и части постсоветского периода абсолютно необоснованно. И в этом, на мой взгляд, заключается одна из главных ошибок, т.к. в связи с политико-экономическими и социальными преобразованиями 1930–1960-х гг. (коллективизация конца 1920–1930-х гг., организационно-хозяйственное «укрупнение» колхозов 1950–1960-х гг.) и конца 1980-х — начала 1990-х гг. (переход к рыночной экономике) происходила коренная трансформация традиционных хозяйственных комплексов и отдельных отраслей хозяйства, форм природопользования и жизнеобеспечения, систем управления и организации хозяйственной деятельности кочевников Крайнего Севера. Игнорированием практически семидесятилетнего периода соискатель искусственно создал ситуацию, когда пришлось сравнить две далеко отстоящих друг от друга во временном отношении экономических модели, что осложнило определение критериев при реконструкциях и типологических построениях, привело к не улавливанию закономерностей и особенностей развития хозяйственных систем кочевников, вызванных факторами внешнего воздействия. Налицо нарушение принципа историзма, который провозглашается во введении одним из основных, в этой связи в заявленном в работе широком наборе специально-исторических методов (историко-сравнительный, историко-системный и структурно-типологический) явно не помешал бы хронологический.

В обширном историографическом обзоре во многом в силу все той же слабой изученности региона автор акцентирует внимание на описаниях традиционного хозяйства предшественниками, на рассмотрении проблем и подходов к его изучению в контексте общего этнографического изучения ненцев и коми-ижемцев. С. Б. Киселев справедливо отмечает, что исследование «традиционных экономик» коренных народов Российского Севера является «одной из классических тем» отечественной этнографии, а типологизация — одним из главных методологических подходов в их изучении. Вместе с тем обширное теоретико-методологическое поле не подтолкнуло соискателя к серьезной аналитической проработке концепций и к определению авторской позиции. Более плотное и более критическое обращение даже к упомянутым в историографии разработкам российских ученых по типологическому исследованию хозяйства (А. А. Дунин-Горкавич, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, А. В. Головнёв и др.), оленеводства и оленеводческих культур (Л. В. Хомич, И. И. Крупник, В. А. Козьмин, К. Б. Клоков, С. А. Хрущев и др.) помогло бы более конкретно определиться с основными дефинициями и избежать некоторой примитивизации предлагаемой типологии хозяйства кочевого населения п-ва Канин.

Благоприятное впечатление производит источниковая база. В основу работы положены экспедиционные материалы, собранные автором на п-ве Канин и на северном Ямале

в 2007–2016 гг. с применением разного методологического инструментария полевых исследований, а также данные переписей кочевого населения Канинской тундры 1897 г. и 1925 г., Всесоюзной переписи населения Приполярного Севера СССР 1926/27 гг. и проекта «Приполярная перепись — 80 лет спустя» (сбор данных проводился по методике Приполярной переписи, что позволило получить уникальный сопоставимый материал). В совокупности с опубликованными источниками они дают прекрасную возможность сравнительного анализа традиционного хозяйства и природопользования канинских кочевников в первой трети XX в. и начале XXI в. Отмечу, что для сопоставлений и ретроспективных построений уместно было бы: 1) использование данных Всесоюзной переписи 1926/27 гг. по Ямалу; 2) более активное привлечение материалов близких в территориальном и экономическом отношениях регионов-соседей (Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундр, Кольского полуострова).

Диссертация в соответствии с поставленными задачами состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения. Логика научного изыскания, как будто бы, ясна, однако структура работы, на мой взгляд, продумана недостаточно хорошо: каждый раздел-параграф посвящен рассмотрению и анализу конкретной проблемы, однако названия их не отработаны, материалы не сбалансированы, ввиду чего не всегда наблюдается соответствие содержанию. Отмечу также, что диссертационная работа С. Б. Киселева — это микроисследование (полуостров Канин, если рассматривать в масштабах Европейского Севера и тем более в масштабах Евразийского пространства, — микрорегион), что предполагает доскональную, если не сказать точечную, проработку каждого из выдвигаемых положений.

Базовая глава 1 «Полуостров Канин: природные условия и население» включает три параграфа. В параграфе 1.1 «Природно-географические характеристики Канинской тундры» находим общую характеристику четырех природно-климатических зон полуострова, однако для детального анализа традиционного хозяйства кочевого населения этого явно недостаточно: важны, по меньшей мере, ландшафтные и биоресурсные характеристики региона (прежде всего, размеры и состояние пастбищ, численность поголовья дикого оленя и др.), оценка антропогенного воздействия и современной экологической ситуации. В параграфе 1.2 «Демографические характеристики и основные хозяйственные занятия населения полуострова Канин» в принципе отсутствуют какие-либо демографические данные, тогда как для определения исходной авторской позиции были бы весьма уместны этническая карта региона и статистические материалы: динамика численности, изменение этнического состава населения (во введении дана самая общая информация), соотношение кочевого и оседлого населения, не помешало бы более широкое обращение к этноистори-

ческим сюжетам, связанным с формированием современного кочевого населения региона. Пренебрежение этими существенными характеристиками привело к «выниманию» кочевников Канинских тундр из общего исторического и этнического контекста. Вместе с тем в главе детально описаны основные хозяйственные занятия, определены численность и структура хозяйств/бригад, формы землепользования и организации традиционных хозяйств, а также их трансформации в ходе социально-экономических и политических преобразований, указаны причины определившие невозможность развития частного оленеводства, охарактеризовано взаимоотношение оседлых и кочевых сообществ, включая выделение «кустов» русских населенных пунктов, с которыми в рамках торгово-обменных операций соприкасались и соприкасаются кочевники, указания на конкуренцию за использование промысловых территорий и причины изменения маршрутов кочевания оленеводческих хозяйств.

Более удачна, на мой взгляд, глава 2 «Оленеводство кочевых ненцев и коми-ижемцев полуострова Канин», хотя и она страдает неравномерностью и непоследовательностью. В «Обзоре оленеводческого хозяйства полуострова Канин в первой трети XX века» (параграф 2.1) приводятся данные по численности и структуре стад, справедливо определяется, что оленеводство канинских кочевников было преимущественно мелкостадным, а кочевание имело «классический меридиальный характер», рассматриваются социальные аспекты организации оленеводства. Представляя «Современное оленеводство на полуострове Канин и его особенности» (параграф 2.2), автор акцентируется на изменении численности оленного поголовья, размеров стад и характера кочевания канинских оленеводов, взаимоотношений оседлого и кочевого населения, доходности и товарности оленеводства. Слабо, со ссылкой на сложность в этнической индикации кочевого населения (смешанные браки, запись коми-ижемцев ненцами и пр.), обозначены этнические (более крупные стада коми-ижеицев) и локальные традиции выпаса. Но, если автор, анализируя основные хозяйственные занятия кочевого населения региона, не наблюдает значительных различий в системах оленеводства ненцев и коми-ижемцев, то хотелось бы получить ответ на напрашивающийся вопрос, когда случилась и в каком направлении шла их нивелировка (о существовании разных «стратегий» оленеводства ненцев и коми-ижемцев см. работы А. В. Головнёва, В. А. Козьмина, К. В. Истомина, Е. П. Мартыновой, Н. И. Нювиковой, О. П. Коломиец и др.).

Неплохо прописан сюжет, отражающий «действия центральных и местных властей по развитию оленеводства в регионе и защите прав ненцев Архангельской области в XIX веке», тогда как современные общероссийские и региональные политико-экономические акты, направленные на поддержку оленеводства в регионе, не рассматри-

ваются вообще. За пределами исследования остались включение традиционных отраслей хозяйства в систему советской плановой экономики (экспроприация оленного поголовья, перевод оленеводческих семей на оседлость, изменение пастбищеоборота, организация факторий, коралей, забойных пунктов). Сравнение данных первой трети XX в. и начала XXI в. без материалов середины и конца XX в. сказалось на выводах. Так например, отмеченная соискателем «унификация» современного оленеводства, выразившаяся в укрупнении стад и исчезновении малооленных хозяйств, увеличении протяженности маршрутов кочевания с входом всех кочевых хозяйств в летний период на побережье Баренцева моря — результат колхозного строительства (обобществление оленей, закрепление пастбищ и маршрутов калания за колхозами и бригадами), а упадок оленеводства в 1990-х и рост в 2000-х гг. — общероссийское постперестроечные явление, имевшее, однако, разные последствия в разных оленеводческих регионах РФ (см. работы А. В. Головнёва, К. Б. Клокова, К. В. Истомина и др.). Картографирование маршрутов кочевания с привязкой к сезонам (не только зима—лето) определенно дало бы более четкую и полную картину «пространственной организации оленеводства», включая изменения движения оленных хозяйств в советское и в постсоветское время.

В главе 3 «Охота, рыболовство и собирательство кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX — начале XXI века» С. Б. Киселев детально характеризует промысловые и вспомогательные виды хозяйственной деятельности. Поскольку хозяйство рассматривается как «сумма» отраслей, описанию каждой из них отведен отдельный параграф. Развивая положение о существовании сходства между кочевниками Канина 1920-х гг. и современными оленеводами северного Ямала, соискатель приходит к азбучным заключениям («обе группы демонстрируют значительную вариабельность в отношении роли того или иного промысла в зависимости от хозяйственной ориентации хозяйств, от маршрутов кочевания и других обстоятельств», «значение того или иного промысла может меняться от сугубо подсобной роли, до одного из основных источников получения средств к существованию»), которые свойственны любому традиционному, как правило, комплексному, хозяйству.

В главе 4 «Типы хозяйства кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX — начале XXI века» представлена типология хозяйства и комплексная характеристика выявленных типов. Выводы не отличаются оригинальностью: направления и маршруты кочевания, объем получаемой продукции, степень товарности и ориентированность на рынок, доля оленеводства и промыслов в жизнеобеспечении кочевых ненцев и коми-ижемцев полуострова Канин зависели от размера стад. Именно этот критерий положен в основу типологизации. Малооленные хозяйства соответственно отнесены к промыслово-

му типу (со стадами до 40 и чуть более голов, в 1920 г. таких хозяйств было 136), владельцы средних по размеру стад причислены к оленеводческо-промысловому типу (в среднем 200 голов, 49 хоз.) и многоленные хозяйства — к крупнотадному оленеводческому (в среднем 800 голов, 6 хоз.); в заключении они так и названы: «мелкостадный промысловый», «среднестадный-промысловый», «крупнотадный оленеводческий типы экономики» (С. 182). Однако, в XIX в. среди безоленных и малооленных хозяйств как на Канине, так и на Ямале были нанятые пастухами к владельцам крупных стад, и пастухи, выпасавшие «сборные» стада, их модель соответствовала крупнотадному оленеводческому типу хозяйства. «Сосредоточение всей оленеводческой отрасли в рамках муниципальных предприятий и кооперативов» в начале XXI в. привело, по мнению С. Б. Киселева, «к формированию единого для экономики кочевников типа хозяйства» (С. 175), вероятно, все того же крупнотадного оленеводческого.

Отдельно остановлюсь на одной из авторских задумок (задач) — использование для сопоставительного анализа традиционных экономик кочевников Канина и Ямала. В работе С. Б. Киселева ямальским сюжетам отведено значительное место, и они, включая карты, оказываются даже более детализированными чем канинские. Однако в аналитических сравнениях выявляется ограниченность материалов северным Ямалом и поверхностное знание особенностей и основных тенденций развития ямальского оленеводства. Отсюда, на мой взгляд, происходят многие ошибочные суждения. Например, автор утверждает, что «в отличие от канинского, ямальское оленеводство не имеет выраженного меридионального характера движения стад», «чаще всего каслание осуществляется по кругу с юго-востока на северо-запад и обратно» (С. 92). Вероятно, речь идет о локальных малооленных группах ненцев-кочевников, поскольку основная масса оленеводческих хозяйств Ямала традиционно совершает кочевки с юга на север и обратно вдоль полуострова и южнее (от северной границы лесов в зону тундры) с амплитудой кочевания от 300 до 800 и более км, что характерно для тундрового крупнотадного оленеводства (согласно типологии А. В. Головнёва). В совокупности «большой хронологический разрыв», узость сравнительной базы, отсутствие должного внимания к современным концептам породили ряд необоснованных выводов. В работе противопоставляются «комплексный характер экономики» ямальских оленеводов-частников и сугубо «олeneводческой» кочевников оленеводческих предприятий и общин (С. 45). Но в составе ямальских «совхозных бригад» есть малооленные хозяйства, равно как «крупнотадники» («тысячники») встречаются среди «общинников» и «частников», поэтому увеличение или уменьшение в системе хозяйства доли того или иного вида промыслов и, соответственно, интенсивность использования пастбищных и промысловых угодий связано не столько со способом организации

хозяйств, сколько с численностью личного оленного поголовья. Сегодня система оленеводства на Ямале, хотя и сохраняет традиционные черты, в организационном плане представлена тремя формами хозяйствования: 12 оленеводческих предприятий, 90 общин и 1,3 тыс. владельцев личных стад (см. «Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение». М., 2016. С. 79–88). В этом отношении утверждение С. Б. Киселева о том, что для оленеводов Канина двадцатых годов двадцатого столетия и для современных оленеводов северного Ямала «в значительной мере характерно отсутствие институализации в оленеводческой отрасли», не достаточно аргументировать тем, что «роль кооперативов и появляющихся колхозов в 1920-х гг. на Канине была невелика», а на Ямале и ныне «сохраняется значительная группа частников» (С. 153–154, 189). Идея сходства основных характеристик хозяйства кочевого населения Канина в первой трети XX в. и кочевников северной части Ямал в настоящее время в силу сохранения значительного количества «олeneводо-частников» становится главенствующей и влечет за собой ряд сомнительных заключений: «сосредоточение всей отрасли в рамках оленеводческих предприятий привело к формированию единого типа кочевого оленеводства» в канинских тундрах, в то время как в североямальских сложились «два типа оленеводства: организованное (в рамках МОП и общин) и частное», «эти две формы оленеводства отличаются между собой по всем основным показателям (протяженность и направление кочевания, численность поголовья) и представляют две различные модели хозяйства»: оленеводческую и комбинированную оленеводческо-промысловую (С. 98–99, 173–174), им соответствуют «олeneводческая (институализированная)» (п-ов Канин в начале XXI в.) и «комплексная» (на п-ове Канин в начале XX в. и северный Ямал в начале XXI в.) модели природопользования (С. 154).

Еще одна серьезная ошибка — смешивание и путаница понятий, их некорректное, а часто и неграмотное использование (например, «тип экономики», «тип кочевого оленеводства» и «тип природопользования» и др.). Отсюда в работе появляются такие выражения и формулировки как «типичная мелкопромысловая семья», «низшая единица землепользования» (о семье/стойбище/бригаде), «неструктурированное частное оленеводство» / «частный, неорганизованный тип оленеводства» (об оленеводах-частниках) и «формально-организованный тип оленеводства» (об общинах и оленеводческих предприятиях), «более крупный социальный уровень составляют оленеводческие бригады...», «организационно... оленеводство... имело единоличный характер»; «крупностадный» и «промысловый» типы экономики, «крупные оленеводческие хозяйства представляли собой высококапитализированный тип экономики», оленеводческо-промысловый тип «представляет собой наиболее комплексный вид кочевой экономики», «олeneводческо-промысловый тип

хозяйства представлял собой наиболее разносторонний вид экономики», «часть хозяйств переориентировалась с практически полностью натуральной на более капитализированную экономику», «коми-ижемцы вели хозяйство по-капиталистически» (С. 37–39, 66, 78, 91–92, 158, 162, 163, 171, 187). Неотработанность основных дефиниций и причинно-следственных связей приводит автора к противоречивым заключениям. Например, «в конце XIX — начале XX века рыболовство имело потребительский характер. Вместе с этим для малооленных хозяйств заготовка и продажа рыбы являлась единственным источником поступления денежных средств» (С. 39–41). А выдвигаемое на защиту положение «экономика кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX века не была единой и существовала в рамках трех типов: промыслового, оленеводческо-промыслового и оленеводческо-крупностадного» (С. 26), само по себе не верно, т. к. экономика как раз была единой, поскольку существовала в рамках трех относительно самостоятельных хозяйственных комплексов, где крупностадное (олeneводческое) ядро со своими протяженными миграционными маршрутами было связано с промыслово-олeneводческой и промысловой периферией, которые не могли существовать независимо друг от друга. Рассматриваемые автором традиционные хозяйственные комплексы (совокупность занятий, обеспечивающих производственно-потребительский цикл определенной группы населения) не покрывают вынесенного в название работы понятия «традиционная экономика» (система с конгломератом политико-административных, статусно-иерархических и партнерско-соседских связей).

Помимо содержательных замечаний к оппонируемой работе имеется ряд претензий квалификационного характера, в частности: 1. В квалификационной работе следовало бы более внимательно отнестись к написанию географических названий (например, «кряж Канинский камень» имеет географическое название Канин Камень, С. 30; поселок Пинега назван деревней, С. 157). 2. Карты выполнены небрежно и несут минимальную информационную нагрузку, хотя в исследовании на микроуровне они должны быть опорными. В активно используемых диаграммах по одной шкале оказываются представлены разные данные (кг и штуки), а их названия не всегда соответствуют публикуемым данным. 3. Много стилистических ошибок и фактических неточностей: «олeneводство ... имело меридиальный кочевой характер» [*кочевание имело меридиальный характер*], «длительность [*дальность*] переходов при перекочевке ... обычно 10–15 км» (С. 32, 35) и др.; летний выпас на морских побережьях в «комарный» период не дает существенного нагула, основной нагул оленей происходит в сентябре, во время появления грибов (С. 33) и др.

Несмотря на отмеченные недостатки, спорные суждения и критические замечания, порожденные в основном недостаточной продуманностью и слабой теоретико-

методологической проработкой, диссертационное сочинение С. Б. Киселева является самостоятельным оригинальным исследованием, открывшим важную страницу в изучении одного из самых слабо представленных в этнографических работах арктического региона. Формально, поскольку работа содержит детальное описание и анализ региональной модели традиционного хозяйства кочевого населения в первой трети XX в. и в начале XXI в., поставленная цель и задачи могут рассматриваться как достигнутые. Результаты работы, проделанной автором, имеют научно-практическое и прикладное значение для реализации задач прогнозирования развития региона и проведения этнологических экспертиз, сохранения традиционного хозяйства (прежде всего оленеводства) и культурного своеобразия кочевых культур Российского Севера.

Автореферат дает полное представление о структуре и содержании диссертации, адекватно отражает результаты исследования. Основные положения и результаты исследования представлены в разделах двух коллективных монографий, опубликованы в статьях в отечественных сборниках и журналах, включенных в «Перечень...» ВАК, апробированы на российских научных форумах.

В целом, исследование Станислава Борисовича Киселева «Традиционная экономика кочевого населения полуострова Канин в первой трети XX века и в начале XXI века» соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 01.10.2018 г. № 1168, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

Перевалова Елена Валерьевна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела проектных исследований
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

199034

Санкт-Петербург,

Университетская набережная, д. 3

МАЭ РАН

Тел. +7(922)2043727

e-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

